

Е.С. Аврашкова КУЛЬТУРНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

XIX И XX СТОЛЕТИЙ

Понимание неповторимой самообытности характера русской девушки сложилось в сознании читательской аудитории благодаря классическим образцам русской литературы. Пушкинская Татьяна, «русская душою», дала мощнейший импульс к созданию целой галереи образов русской девушки, особенно ярко представленной в творческом наследии И.С. Тургенева, благодаря которому возникло и закрепилось на русской почве концептуальное культурно-нравственное понятие «тургеневская девушка». Образы тургеневских девушек были и остаются объектом серьезного изучения отечественных и зарубежных литературоведов, среди которых следует назвать, прежде всего, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, М.О. Гершензона, Г.Б. Курляндскую, В.М. Марковича, Е.Ю. Полтавец, И.В. Ивакину, Т.А. Савоськину. Тургеневские женские образы глубоко индивидуальны, но в то же время психологически схожи в главном: в цельности натуры, Асю и русских революционерок, безымянную героиню «Порога» и Марианну. Именно последние два женских образа, рожденные объективной социально-исторической ситуацией в России и отмеченные активной общественно-политической позицией, нашли свое интересное продолжение в русской прозе XX века. Целью данной статьи является выявление типологических связей указанных тургеневских образов с рядом героинь некоторых произведений русских писателей 1-ой волны эмиграции И.С. Шмелева и М.А. Осоргина, а также представляется продуктивным в рамках культурно-художественной преемственности проследить спектр и причины трансформации традиции Тургенева в последующей русской литературе.

В 1878 г. И.С. Тургенев, открыто симпатизирующий и сочувствующий самоотверженным настроениям русской молодежи, и женской ее половине в том числе, написал стихотворение «Порог», ставшее известным лишь после его смерти. В нем дан обобщенный портрет русской девушки, способной перенести все страдания, принять одиночество и смерть, пойти и на преступление с единственной благородной целью – изменить народную жизнь к лучшему. И настолько прекрасны, великодушны и чисты ее намерения, что писатель называет ее «святой», передавая тем самым охватившее русское общество удивление и восхищение самоотверженной жертвенностью русских девушек, с такой неподдельной искренностью верящих в правоту своих начинаний и самозабвенно отдающих себя выбранному делу.

Тургенева всегда привлекали цельные и самоотверженные характеры, личности, способные отречься от личного и частного ради общественно важного. С точки зрения писателя, такими качествами обладали именно женщины, а не мужчины. Искренний порыв и напряженность всех чувств, направленные на достижения цели без гамлетовских раздвоенностей, терзаний и рефлексий, вызывали в склонном к гамлетизму писателе неподдельное

уважение. И в творчестве своем он неоднократно обращался к созданию образов способных к самозабвенному самопожертвованию в разных его вариациях героинь, внутренний нравственный подвиг которых тревожил воображение писателя. Для него важным являлась сама человеческая способность полностью отдаться «своему делу, своей мечте» («Накануне»), отдаться без оговорок, без сожалений, без остатка. Как верно отметил М. Гершензон, «самозабвение страсти или самозабвение долга – все равно: лишь бы самозабвение, цельность, без которых невозможны горячая жизнь и неуклонная воля. Таков несомненно был идеал Тургенева. <...> Как в религии, как в служении «добру», справедливости, свободе, – так и в любви Тургенев видел и воспевал одно: не результаты жертвы, а самую жертвенность духа, – самозабвение» [1; с. 92, 94]. Очевидно, что рисуя образы русских революционеров, писатель поражался не содержанием дела, которому они посвятили свои жизни (ведь антиреволюционная позиция «постепеновца» Тургенева оставалась неизменной до конца его жизни). Писателя восхищала их нравственно-психологическая способность забывать себя ради вещей, значительно более важных и существенных для них как свободных в своей беззаветной самозабвенности личностей. В написанной в 1869 г. повести «Странная история» в образе Софи Б. он открыто выразил свою авторскую позицию по отношению к таким характерам. Поступок молодой и хорошо воспитанной девушки из богатой семьи, которая покинула родной дом, «для того чтобы пойти вслед полусумасшедшему бродяге, чтобы сделаться его прислужницей», для него совершенно непостижим. Но автор замечает: «я не осуждал ее, как не осуждал впоследствии других девушек, так же пожертвовавших всему тому, что *они* считали правдой, в чем *они* видели свое призвание. Я не мог не сожалеть, что Софи пошла именно *этим* путем, но отказать ей в удивлении, скажу более, в уважении, я также не мог. Недаром она говорила мне о самоотвержении, об унижении... у *ней* слова не рознились с делом» [6; VII, с. 176]. Подобная позиция писателя представляется достаточно противоречивой, и примирение субъективного и объективного, личного и общего, к чему всегда так стремился писатель, остается не осуществимым. Ведь в конечном счете доминировали все же личностные приоритеты («они считали правдой», «они видели свое призвание»), определенны жесткое индивидуалистическое поведение, идущее вразрез и часто перечеркивающее руководящую ими идею, и их стремление создать «комфортную» нравственную ситуацию для себя за счет других людей. Но, очевидно, именно таковым, не осуждающим и сочувствующим, было убеждение писателя, когда он создавал известные образы русских революционеров.

И.С. Тургенев еще в романе «Накануне» нарисовал женский характер, в достаточной степени необычный для русской литературы. Образ Елены Стаховой, умной и идущей против родительской воли девушки, покидающей отчий дом ради служения высоким идеалам, был первой ласточкой, показавшей дорогу многим томящимся в бездействии и жаждающим найти применение

своим силам русским девушкам. Доминантой образа Елены Тургенев сделал жажду «деятельности, деятельного добра» [6; II, с. 25]. В романе «Новь» Тургенев снова обратился к сильному характеру русской девушки, неудовлетворенной своей жизнью. Но в образе Марианны, прекрасном и цельном, уже не осталось следа от тех глубоких и вечных метафизических проблем, придававших трагический колорит образу Елены. В «Нови» главной темой было изображение революционного народнического движения, с большой силой развернувшегося в России в 70-е годы девятнадцатого века. И в образе Марианны писатель показал путь девушки из дворянской семьи в народничество, отобразив те основные и общие побудительные мотивы, которые вели русских девушек в революцию. Марианна была томима, как и Елена, жаждой деятельности, но еще больше ее влекло желание жертвовать собой. Знакомство с Неждановым, принимающим участие в народническом движении, дало ей возможность осуществить свои мечты и стремления. Д.Н. Овсяннико-Куликовский верно заметил, что характер Марианны отличается от предыдущих женских образов Тургенева. Хотя за Марианной и остается инициатива в развитии отношений с Неждановым, она не любит его той женской любовью, какой обычно любят тургеневские девушки (Наталья, Лиза, Джемма, Татьяна, Зинаида, Ася, Ирина и т.д.). У нее «на первом плане ее собственные идеи, стремления, дело, а любовь – на втором. Любовь играет роль подчиненную и ничуть не служит движущим мотивом, не определяет собою дальнейшей деятельности и участи Марианны» [3; с. 101]. Она вся сосредоточена на реализации своих внутренних импульсов. Тургенев подчеркивает, что главной для девушки была возможность проявить свой характер, т.е., выразить основное содержание своей души, страстно желающей пожертвовать собой ради других, она «ждет, что вот-вот и она сейчас, коли нужно, на плаху!» [6; IV, с. 311]. Самодостаточная и твердо знающая свои желания и себя саму, не склонная рассуждать, а больше делать, Марианна самостоятельно выбрала единственно правильный для себя путь. В простой жизни на благо простых людей – смысл ее жизни, в этом ее жертва и ее собственная революция.

Тургенев нарисовал в Марианне земной образ девушки, искренне преданной делу служения своему народу. Он запечатлел начальный, относительно спокойный и мирный момент в развитии революционного движения в России, когда мысли об убийствах и крови, о каких-либо насильственных действиях, если и появлялись, то решительно отвергались обществом и не принимались даже в революционных кругах. Если устами Соломина Тургенев высказывает мысль о том, что баррикады – это не женское дело [6; IV, с. 306], то пройдет совсем немного времени, и русские революционеры отважатся на индивидуальный террор, причем женщины будут выступать едва ли не на первых позициях. И служение народу, о котором писал Тургенев, подразумевая под этим просвещение народа, обернется по сути дела чудовищным искажением самой сути народной жизни. Но искренность и

пламенная вера в правильность избранного пути, желание изменить жизнь страны к лучшему и самоотверженное принесение себя в жертву будут способствовать вопреки всему сохранению за революционерами и революционерками того ореола святости и мученичества, который закрепился за ними в 70-е годы XIX века, в том числе и благодаря Тургеневу.

Представляется возможным проследить развитие тургеневской традиции изображения женщин, отдавших себя делу революции и охваченных психологией жертвенности, в дилогии М.А. Осоргина «Свидетель истории» и «Книга о концах», главной героиней которой является простая рязанская девушка Наталья. Осоргин во многом наследует Тургенева. Он не скрывает свою авторскую позицию и с большой симпатией рисует образ Наташи. В то же время, стремясь, как и Тургенев, к объективности, он показывает все слабые ее стороны и даже доводит историю Натальи до логического конца, обращаясь к классической для русской литературы идее истинного предназначения женщины в жизни. Наследуя Тургенева, писатель также подчеркивает русскость своей героини, возводя тем самым ее яркую индивидуальность к одному из типичных проявлений русского национального характера. Состоит в том, что она незаметна для самих же преданных делу революции бойцов за лучшую жизнь. Впрочем, писатель отмечает, что Наташа – это «образ простой, здоровой и искренней рязанской девушки, *занутовавшейся в сетях жизни...*» [4] (курсив – Е.А.).

Наташа Калымова родилась в имении своего отца, врача и члена Государственного совета, в русской деревне Федоровке неподалеку от Рязани. Она была красивой русской девушкой, впитавшей в себя простор русских лесов и ширь русской Оки и любившей русскую природу и ощущавшей прочную связь с ней. Осоргин начинает роман многозначительным эпизодом из далекого детства Наташи, в котором описывает случайное убийство пьяным кучером Пахомом любимого щеночка девочки. Вот тогда в голове Наташи и засела мысль о том, что смерти нет, а есть одни превращения, ведь Мушка превратилась в травку, а не умерла; так и люди не умирают, а растворяются во Вселенной, и каждое живое существо находится в другом живом существе: «Просто я — в стрекозе, и стрекоза во мне, а голос кукушки — мой голос, и во мне прохлада окских вод» [4]. С тех пор она утратила страх смерти, а, поступив в университет, с головой окунулась в бушующее море революционных событий в Москве: «В дни России, отодвинутые в историю великой войной и величайшей революцией, никто не спрашивал, почему простая и здоровая русская девушка, воспитанная не хуже других и не менее отзывчивая на доброе, бросала родной дом и ученье и уходила в ряды тех, кого одни называли преступниками, другие — святыми. Это было так же просто и естественно и так же мало, как подать копейку нищему или броситься в воду спасать утопающего. Даже не было подвигом: только проявлением душевной чуткости и сознания невозможности поступать иначе» [4]. И Наташа не была исключением. Когда судьба ее свела с отважным и сильным Оленем, она

поняла, что ее место в его боевой группе. С этого момента ее жизнь круто изменилась, она бросила свой родной дом и стала революционеркой-террористкой, потому что искала героического и не боялась смерти, ведь ее не существовало. Лично ей не довелось привести в исполнение ни один террористический акт, своей рукой она никого не убила. Но косвенно она стала виновницей смерти многих, и в том числе близких и верящих ей людей. Удивительна сентиментальная жестокость этой двадцатилетней девушки, которая своими руками одевала на молодых братьев Гракхов, рабочего Сеню и студента Петруся, метиленовые жилеты и благословляла их на смерть ради великого общего дела, в основе которого лежало убийство всего лишь одного министра. Они были верными исполнителями, верящими в необходимость запланированного убийства, но они были молоды и знали, что смерть существует и что завтра она заберет именно их. И Наташа, утешая их, рассказывала им прекрасную сказку, в которую и сама давно поверила: «А если бы и была смерть... От того, что человек протянет свои дни до старости и болезней,— ничего он не выиграет. Вот вы работали на фабрике, потом женились бы на такой же работнице, народили бы детей, жили бы в вечном труде и бедности,— а там все равно умирать. Сейчас сами собой распоряжаетесь, а там вами распорядилась бы ваша старость и слабость. Или — арестуют, оплюют, избьют и все равно быть убитым; и это может случиться всякий день. А тут — нажать кнопку, и, может быть, вся Россия пересоздастся!» [4]. Это «может быть» почти незаметно в потоке ее речи, но ведь в нем заключались человеческие жизни. И бедные Гракхи утвердились в своей готовности отдать самое дорогое, что у них было, свою жизнь за пересозданную на их крови Россию. Даже мужественный и преданный делу Олень задается вопросами о праве человека убивать другого человека. Но Наташа без тени сомнений, уверенно говорит ему о естественности подобного рода вещей: «Тут не право, а закон природы. Без насилия нет живого. Ступишь шаг — и раздавишь букашку. И даже когда дышишь. Не по праву, а потому, что так мир устроен. Насилие естественно и необходимо» [4]. Человеку, не верящему ни в рай, ни в ад, ни в Бога и ни во что вообще, для которого не существует ни раскаяния, ни сомнения, а лишь одна вседозволенность, вызванная огромным прельщением собственным могуществом и жадной совершить подвиг, жизнь и люди не представляются ценностью.

Наташа попадает в тюрьму, но проявив отчаянную смелость и выдержку, она сбегает из нее и оказывается на свободе, снова вместе с уцелевшими и новыми товарищами по революционной борьбе. После побега (красота и героическая дерзость ее поступка очень волновали и нравились ей) мысли девушки, однако, приобретают неожиданный поворот. Оказывается, что главным для нее в революционной борьбе были острота ощущений и красота героизма: она «была увлечена не далекими мечтаниями о счастье человечества (какого такого человечества?) или о благе русского народа (она знала только крестьян деревни Федоровки!), а тоже игрой в жизнь и смерть, красотой

очень уж неравной борьбы. Ей были скучны отвлеченные рассуждения — ее влекло действие. В девятьсот пятом году она видела в Москве баррикады — это было изумительно, совсем как в исторических романах!» [4]. И за этой игрой в жизнь и смерть она не заметила, как ее собственная жизнь, жизнь рязанской девушки Наташи, потеряла истинный смысл. На свободе, в покое и безопасности, она впервые за долгие годы задалась вопросами «кто она?», «зачем живет?» и «что же дальше?». И оказалось, что общество уже не сочувствовало им, мужественного Оленя не было в живых, бывшие товарищи поутихли и разуверились в смысле борьбы, а вокруг нее образовалось страшная пустота, и мир раскололся. Прежнее ушло навсегда, уже не было былого задора и интереса, но и будущее не сулило ничего хорошего, впереди у нее ничего не было: ни родины, ни народа, ни отца, ни родной Оки, ни Оленя, ничего и никого: «Теперь мир — особо, и она — особо и смотрит на него издали и с недоверием» [4]. Но надо было отправляться в путь, в эмиграцию через безопасные Урал и Сибирь, а там в Европу.

Путешествие через пустыню Гоби умиротворяет Наташу, освобождает ее дух, она начинает понимать, что она лишь частичка в мироздании, и постепенно в нее нисходит «угасание жизненной суеты». В «Книге о концах» Осоргин рассказывает о дальнейшей судьбе Наташи, о ее жизни в эмиграции. За границей Наташа чувствовала себя «щепочкой, отколовшейся от русской ели» [5]. Она уже не вернулась в революцию, потому что не было у нее прежней веры и старых товарищей. Уходила молодость и уносила все иллюзии и заблуждения безумных и самонадеянных молодых лет. В эмиграции она видела перед собой обреченных людей, которые не могут найти себя в нормальной жизни. Все они больные, одинокие, бездомные люди, полностью разуверившиеся в былых идеалах. И сама она изменилась, стала обыкновенной девушкой, жаждущей любви и нормального женского счастья. Наташа уже не могла найти такого настоящего человека, как Олень, таких уже просто не было, но она встретила ничем не выдающегося Ивана Ивановича, такого же физически здорового человека, как и она, и родила себе, не любя, но заботясь о продолжении рода, двух девочек. Тогда она, наконец, и совершила такой желанный ею в далекой молодости подвиг. Только подвиг этот был настоящий, любящей, самоотверженной матерью, а не псевдогероиней со взрывчаткой на теле, нести жизнь, а не отнимать ее, спасать, а не убивать. Теперь уже «Россия подождет; она извинит матери» [5]. Однако в представлении Осоргина Наташа осталась пламенной и искренней революционеркой, зараженной духом борьбы и перемен. По-настоящему она могла жить лишь в вихре бурь и свете грозы. Все остальное было лишь «странным сном покоя и материнства» [5]. История внесла свои коррективы в жизненные планы Наташи. Во время мировой войны она хотела вернуться на родину, чтобы быть полезной своей стране на новой стадии борьбы за свободы, но безвременная смерть положила конец ее странствиям. И в представлении тех людей, кому дороги были революционные преобразования в стране, она осталась готовой на всякие страдания и

преступления тургеневской «святой», которая принесла себя на алтарь исповедуемой ею идеи приближения счастливого будущего страны.

Пример русских самоотверженных девушек остался в памяти следующих поколений русских, которые пережили на своем веку и на собственном горьком опыте все то «счастье», которое с таким пылом приближали своими руками герои и героини русских революций. В рассказе И.С. Шмелева «Журавли» девушка Аля, оказавшаяся в эмиграции после событий 1917 года, не находит себе места от безысходности и горечи положения всех русских людей, оставшихся без родины, без дома, без семей и близких. Там, в России, сражаясь в рядах Белой Армии, погиб ее отец, ее товарищи, но точно она не знала об их смерти, в ее сердце теплилась надежда на то, что они живы и когда-то обязательно увидятся. Внутренне смириться с катастрофой, поразившей ее страну, она была не в состоянии. Аля постоянно искала ответы на мучившие ее вопросы, горячилась и нервничала, но никак не могла принять молчание и покорность своих соотечественников. Она «перечитала, что только могла найти, о революционном терроре былых времен, и ее поразила исступленность, какой-то религиозный пафос: «наш святой подвиг», «наш священный долг», «высокое счастье отдать себя», «во имя величайшей из святынь надо уметь перешагнуть даже через трупы близких, переступить порог»... – эти фразы ей прожигали душу» [7; с. 328]. Она не могла понять, почему же теперь, когда поруганы святыни, «миллионы умученных», «само даже имя народа стерто», никто ничего не предпринимает и все говорят лишь о необходимости ждать и присматриваться: «Те, когда была действительно эволюция, верили только в террор. Теперь, когда только террор, убеждают поверить в «эволюцию»... [7; с. 329]. И тут в шмелевском рассказе возникает прямая реминисценция из стихотворения Тургенева «Порог», которая способствует созданию уже знакомой нравственно-психологической характеристики героини. Але приходят на память тургеневские строчки, и она задается вопросом: «Святая»!.. Переступила порог. Тогда – «святая»! А теперь? Почему так – теперь!..» «А ты, русская... не можешь?..» [7; с. 329].

Но она оказалась именно русской, «была подлинно русская, из старой семьи военных» [7; с. 329], и она смогла переступить порог, через который переступали ее предшественницы, одержимые лучшими побуждениями. Принятое ею решение было отчаянно смелым и одновременно выстраданным сердцем. Она смогла решиться уехать из спокойного французского городка на берегу океана, уехать туда, в пустоту и смерть, чтобы снова бороться за счастье своей Родины. Теперь она уже не верит в «эволюцию», она жаждет «революции»: «Это странный самогипноз, что борьба кончена. Она должна продолжаться, до конца! Нет территории, оружия, все и всё против нас, но у нас остается воля – наша воля и воля мертвых! За нас онемевшая Россия! Мы будем бороться там!.. Как когда-то боролись террористы, исполнившие свою задачу. Теперь – примолкли они, взирают! За нас – Правда, Христова Правда! <...> Грех – борьба с дьяволом?! Архангел с мечом на сатану – грех?! Он поразит

антихриста – так сказало Святое Слово! Мы – слуги Господа! Меч и огонь на дьявола – Божье дело! И благословенна рука, которая поразит его!..» [7; с. 347]. Уходя вслед за своим другом, которого она любила, на неведомую, неравную и заведомо обреченную борьбу, она так же, как и ее предшественницы, русские революционерки, не позволяла себе личных чувств: «Я чувствовала, что нам нельзя завязывать личной жизни, закрыть все нашим счастьем» [7; с. 348]. Она понимала, что общее дело требует от нее самопожертвования, и свою молодость, и свою любовь, самую жизнь свою она приносила в жертву. Аля ушла во мрак неизвестности и очевидной смерти, невзирая на все уговоры и просьбы, потому что другого пути для себя она не видела: «Я готова на все. Бог поможет. Буду делать, как мне укажут» (7; с. 349). И когда уходит поезд, увозящий ее на выбранную ею Голгофу, ей вслед раздается, как это повелось на Руси: «Святая!» [7; с. 352]. Дважды возникающая в рассказе реминисценция из Тургенева дает возможность говорить о сознательном обращении Шмелева к тургеневской традиции изображения революционного характера русской девушки, ставшего одним из проявлений «русскости русского человека» (И. Ильин).

Таким образом, русская история революционного движения повторилась; тогда, в девятнадцатом и начале двадцатого века, были слуги народа, теперь, во времена эмиграции, появились слуги Господа, но стремление изменить жизнь к лучшему осталось неизменным, революционный пафос борьбы и отдания себя в жертву живет в душах немногих избранных. Но далеко не каждый способен видеть и различать, где истинное добро и зло. Огромна разница в морально-нравственном состоянии души героинь Тургенева и Шмелева и героини Осоргина, как существенна разделяющая их дистанция исторического времени, не равнозначны побуждения и цели их революционного пыла, но совершенно однозначны симпатии авторов к созданным женским образам. В их характерах отсутствует расколотасть воли и желаний, разума и сердца, они цельные и мужественные, молодые и самоотверженные. Они переступают через личное, в них отсутствует эгоизм. Мысли о счастье для них возможны лишь в контексте достижения общего блага. В этих девушках, в конце концов, побеждает дон-кихотское начало, в том его смысле, о котором писал Тургенев в своей знаменитой речи: «Дон-Кихот проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле» [6; X, с. 252]. И какими бы серьезными и страшными в своих последствиях ни были отклонения от этого идеала в случае с героинями-революционерками, все-таки след, оставленный ими в истории русской жизни, окружен ореолом святости. Потому что, говоря словами Тургенева, «добрые дела не разлетятся дымом» [6; X, с. 264], а злые искупаются страданиями и отмаливаются молитвами, которые произносит русский народ за своих заступников и жертвенников в православных храмах. Образы русских девушек-

революционеры, созданные русскими писателями, объединены, думается, еще одной, идущей от Тургенева и крайне существенной для его мировоззрения мыслью. Она касается истинного предназначения человеческой жизни, смысл которой в исполнении своего долга и отречении от личного счастья, невозможного в земной человеческой жизни а priori. Понятие долга у каждого человека естественно разное, но речь идет именно о недопустимости индивидуального счастья в виду огромного множества причин, среди которых провидению отводится далеко не последняя роль. Известно, как сильно волновала Тургенева история жизни прекрасной и молодой баронессы Юлии Вревской, которой улыбалась жизнь, но «она не ведала другого счастья», как пожертвовать собой для других: «Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась – и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение близких» [6; X, с. 32]. Таким образом, вложенная писателями в образы девушек-революционеров идея очевидна. Смысл их жизней заключается в служении своему делу, своим идеалам, он в конечном итоге освящен любовью к другим, близким и чужим людям, отдельному человеку и всему народу, ради этой любви они пожертвовали своими жизнями, поэтому и имя им в русской истории и русской литературе – «святые».

1. Гершензон М.О. Мечта и мысль И.С. Тургенева / М. Гершензон. – М. : Т-во «Книгоиздательство в Москве», 1919. – 170 с.
2. Образ Наташи Калымовой был написан с реального исторического лица эсерки-максималистки Натальи Сергеевны Климовой, биографические факты жизни которой во многом сохранены писателем в романе.
3. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Этюды о творчестве И.С. Тургенева / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – Харьков : Печатано и выпущено в свет по постановлению Историко-Филологического Общества при Императорском Харьковском Университете. 24 апреля 1896, 1896. – 239 с.
4. Осоргин М.А. Свидетель истории. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/OSORGIN/svidetel.txt>
5. Осоргин М.А. Книга о концах. – Режим доступа: http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0060.shtml
6. Тургенев И.С. Собрание сочинений в десяти томах / Иван Тургенев. – М. : Госуд. изд-во художественной литературы, 1962. Тексты

цитируются по этому изданию: римская цифра указывает том, арабская – страницу.

7. Шмелев И.С. Журавли / Собрание сочинений : в 12 т. / Иван Шмелев. – М. : Сибирская Благозвонница, 2008. – Т. 8 : 1926-1932 : Богомолье : повесть ; Рассказы ; Воспоминания ; Публицистика. – 512 с.

Аннотация

Е.С. Анненкова. Культурно-литературная преемственность образов революционерок в русской литературе XIX и XX столетий.

Статья посвящена анализу типа русской девушки-революционерки в русской прозе от И.С. Тургенева до И.С. Шмелева и М.А. Осоргина. В ней рассматриваются доминанты нравственно-психологического комплекса, присущего тургеневским героиням, а также прослеживаются плодотворность и динамизм традиции Тургенева в изображении образов девушек-революционерок в литературе русского зарубежья.

Ключевые слова: тургеневская девушка, жертва, традиция, революционный характер.

Анотація

О.С. Анненкова. Культурно-літературне наслідування образів революціонерок у російській літературі XIX і XX століть

Стаття присвячується аналізу типу російської дівчини-революціонерки в російській прозі від І.С. Тургенєва до І.С. Шмєльова і М.А. Осоргіна. В ній розглядаються домінанти морально-психологічного комплексу, притаманного тургенєвським героїням, а також простежуються плідність і динамізм традиції Тургенєва в зображенні дівчат-революціонерок у літературі російського зарубіжжя.

Ключові слова: тургенєвська дівчина, жертва, традиція, революційний характер.

Summary

E. Annenkova. The cultural and literary succession of revolutionary women images in Russian literature of XIX-XX st.

The article deals with the analysis of Russian revolutionary girl's image in Russian prose from Ivan Turgenev to Ivan Shmelev and Michael Osorgin. The dominants of moral and psychological complex, the representative feature of Turgenev's heroines, are being examined there; also the Turgenev tradition's efficiency and dynamism in representation of revolutionary girls in expatriate Russian literature are being deduced.

Key words: "the girl" by Turgenev, victim, tradition, revolutionary character.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук В.Я. Звиняцковским